

Academia. Архитектура и строительство, № 4, стр. 15–23.
Academia. Architecture and Construction, no. 4, pp. 15–23.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.01
DOI: 10.22337/2077-9038-2025-4-15-23

От экологии культуры к идентичности месту и времени

Есаулов Георгий Васильевич (Москва). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Московский архитектурный институт (государственная академия) (107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4. МАРХИ); Российская академия архитектуры и строительных наук (127025, Москва, Новый Арбат, 19. РААСН). Эл. почта: science@markhi.ru

Аннотация. Краткий очерк развития представлений о роли архитектурного наследия и исторически сложившейся застройки в формировании городской среды, начиная с 1960-х годов, предваряет анализ современной ситуации поиска архитектуры, соответствующей запросу на трансляцию традиций и идентичности. Этап эволюции постмодернизма рассмотрен как проявление историзма в новейшее время. Приведены примеры создания архитектурных и градостроительных объектов, нацеленных на вектор идентичности и потребности в раскрытии ценностей историко-культурной среды. Спектр направлений этой деятельности охватывает сферы формирования экспозиций «под открытым небом» и идентичности архитектуры и месту, и времени, референсом которой является учёт ряда факторов и использование определённых средств и приёмов при обращении к историческим прототипам, современным принципам и технологиям устойчивого развития.

Ключевые слова: экология культуры, постмодернизм, историзм, архитектура, градостроительство, новый рационализм, идентичность месту и времени, устойчивое развитие

Для цитирования. Есаулов Г.В. От экологии культуры к идентичности месту и времени // Academia. Архитектура и строительство. – 2025. – № 4. – С. 15–23. – DOI: 10.22337/2077-9038-2025-4-15-23.

From the Ecology of Culture to the Identity of Place and Time

Esaulov Georgy V. (Moscow). Doctor of Sciences in Architecture, Professor, Academician of RAACS. The Moscow Institute of Architecture (11/4 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031. MARKHI); the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (19 Noviy Arbat st., Moscow, 127025. RAACS). E-mail: science@markhi.ru

Abstract. This brief overview of the evolution of ideas about the role of architectural heritage and historically formed urban fabric in shaping the urban environment, beginning in the 1960s, precedes an analysis of the current search for an architecture capable of transmitting traditions and identity. The stage of postmodernist evolution is examined as a manifestation of historicism in contemporary times. Examples are provided of architectural and urban-planning projects aimed at reinforcing identity and uncovering the values of the historical and cultural environment. The spectrum of approaches in this field includes the creation of open-air exhibitions and the pursuit of architectural identity grounded in place and time. Its reference framework encompasses a range of factors, as well as the use of specific methods and techniques when engaging with historical prototypes, modern principles, and sustainable development technologies.

Keywords: ecology of culture, postmodernism, historicism, architecture, urban planning, new rationalism, identity of place and time, sustainable development

For citation. Esaulov G.V. From the Ecology of Culture to the Identity of Place and Time. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2025, no. 4, pp. 15–23, doi: 10.22337/2077-9038-2025-4-15-23.

Создание в 1965 году Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры определило новый этап в развитии общественного движения по сохранению культурного наследия России. На первом Учредительном съезде ВООПИК были обозначены основные задачи общества. В их числе: «Пропаганда памятников культуры должна заключаться в том, чтобы народ понял, что он хозяин этих ценностей, что он должен их беречь. Нужно помочь им осознать ценность этих сокровищ, воспитать в народе горделивое чувство, кровную связь с творцами этих сокровищ, рассказать о значении и красоте памятников...»¹.

От технологизма к историзму

Это было время повсеместного строительства жилья и общественных зданий из типовых крупнопанельных и объёмно-блочных элементов. Стандартные монотонные массивы жилых домов вступали в резкий визуальный конфликт с исторически сложившейся застройкой.

Довольно быстро горожане ощутили однообразие, механистичность и унифицированность нового, его «стерильность» и одинаковость по сравнению с историческими центрами, зданиями прежних времен и стилей. Стандарт и намеренная минимизированная рациональность планировочных решений, однообразие облика жилых пятиэтажек, почти сразу стали восприниматься по-разному – и позитивно, и негативно.

Общественность всё чаще и острее высказывалась за поиск новых путей развития городов, за сохранение разнообразия. В это время в издаваемых трудах академика Д. Лихачёва концентрируется концепция экологии культуры. В ней речь идёт о сохранении культурной среды, преодолении монотонности и безразличия строительного комплекса к особенностям места строительства, о важности сохранения материального исторического наследия культуры: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной осёдлости, привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социализации» [1].

Уже позднее, в конце 1990-х годов А. Иконников, рассматривая архитектурные реалии 1960-х, отмечает: «Структура исторического – особый вид порядка, органичного для города. В соприкосновении с таким порядком выработались прочно укоренённые в культуре нормы визуального мышления» [2, с. 8].

Таким образом учёный-архитектор обосновывал невозможность горожанина воспринять тотальное стандартизированное обновление города. Ибо «этот образ [города – Г.Е.] – не только воплощение прошлого культуры, но и опора для её актуальной формы и её будущего» [2, с. 8].

¹ ВООПИК <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Заикин Г.С. Архитектурно-градостроительные принципы комплексного сохранения и использования историко-архитектурных памятников в условиях Уральского региона : Дисс. канд. арх. – Москва : МАРХИ, 1977; Есаулов Г.В. Комплексная архитектурно-пространственная экспозиция памятников истории и культуры Северного Кавказа : Дисс. канд. арх. – Москва : МАРХИ, 1981 и др.

³ Все иллюстрации в статье, кроме особо оговорённых, взяты из открытого доступа сети Интернет.

В конце 1970-х – 1980-е годы в западной архитектуре поиски индивидуализации через «присутствие прошлого» закрепляются термином «постмодернизм». Это: «контекстуальность» как связь с исторической застройкой; аллюзии исторических форм архитектуры; трансформации, достигающие гротеска; ироничная трактовка исторических прототипов.

В это время в российской архитектурной науке появляются работы по выявлению, сохранению и экспонированию памятников истории и культуры².

Рис. 1³. Москва. Здание цирка на проспекте Вернадского. Архитектор Я. Белопольский. Открыт в 1971 году

Рис. 2. Курпаты Крым. Пансионат «Дружба». Арх. И. Василевский Строительство – 1983–1985 годы

Рис. 3. Посёлок Чангихисарак, Узбекистан. Гелиокомплекс «Солнце» (солнечная печь). 1981–1987 годы

В 1990-е годы российская архитектура, обретая широкую возможность индивидуального проектирования, частного заказчика, преодолевая кризис монотонности и усреднённого стандарта, воспринимает постмодернистскую обращённость к архитектуре прошлого как создание нового.

Значимость индивидуального проектирования подчёркивало и то, что в 1970-е – 1980-е годы по индивидуальным проектам в СССР были созданы крупные общественные здания, выдающиеся произведения, ставшие классикой советского модернизма. Как правило, эти объекты выполняли акцентную роль в застройке центров городов, крупных градостроительных ансамблей и комплексов различного назначения (рис. 1, 2, 3).

Существовало течение и другой архитектуры. Это было скорее концептуальное направление, названное А. Боковым «параллельная архитектура» [3]. При всей неоднородности, основное место в нём занимало сообщество представителей советской «бумажной архитектуры», в определённой мере – и поисковые проекты Центральной

учебно-экспериментальной студии художественного проектирования на Сенеже⁴. Выпускные макеты проектов, ориентированные на выставочное, праздничное и музейное преобразование среды, включали и то, что сейчас рассматривается как поиск идентичности места. Например, «Тропа А.Тукая» – маршрут по местам бытия поэта как поэтический образ живой природы, словно тактильно воспринимаемый в его стихах и воплощённый в проекте музея татарского поэта А. Тукая (рук. проекта М. Коники, авторы Н. Артамонов, Е. Голубцов, В. Поповцев, А. Шешин; 1974)⁵.

Потребность и принципы формирования архитектурно-пространственной среды города с учётом исторического контекста проявляются в становлении и теоретическом обосновании «средового подхода» [4], первоначально реализуемого в проектах пешеходных улиц в Москве и других городах страны.

Все эти процессы 1960-х – 1990-х не только предшествовали трансформациям архитектуры России 1990-х и 2000-х годов, но и оказали определённое влияние на её последующую эволюцию.

Обретение многообразия и поиски новизны в постмодернизме

Появившиеся в постсоветской России постройки демонстрируют раскрепощение проектного сознания зодчих [5]. Интенсивно развиваются региональные школы, одна из первых – в Нижнем Новгороде.

Нижегородские зодчие создают объекты, встраиваясь в «образ» города, его архитектурный контекст, застройку конца XIX – начала XX века. При этом они умело адаптировали формы, добиваясь баланса с окружением, сомасштабности, стилистических подобий, порой «цитат» и определённой новизны. Таков банк «Гарантия». Его первая очередь (арх. А. Харитонов, Е. Пестов, И. Гольцев, С. Попов; 1995) – ремейк нижегородского модерна. Вторая очередь (арх. А. Харитонов, Е. Пестов, Н. Пестова; 1999) – постмодернистская абстрактная композиция на тему современности конца XX века (рис. 4). Здания-очереди кардинально различны. Налицо трансформация взглядов проектировщиков. Это и один из первых примеров интуитивного поиска идентичности архитектуры – как месту (первая очередь), так и времени (вторая очередь).

Ряд московских объектов иллюстрирует новый этап творчества столичных зодчих. Эксцентричный облик торгового центра «Наутилус» (2000; арх. А. Воронцов, В. Свистунов, И. Кузнецов) стилистически ориентирован на модерн начала XX в. (рис. 5).

Культурно-деловой центр «Красные холмы» (авторы – Ю. Гнедовский, В. Красильников, Д. Солопов, М. Гаврилова, С. Гне-

а)

б)

Рис. 4. Банк «Гарантия». Архитекторы А. Харитонов, Е. Пестов. Нижний Новгород: а) 1-я очередь. 1995 год; б) 2-я очередь. 1999 год

⁴ Центральная учебно-экспериментальная студия художественного проектирования при Союзе художников СССР

⁵ Глазычев В. Поэтическая среда музея // Декоративное искусство СССР. – 1975. – №10. – С. 40–43.

довский; 2002–2005.) – грандиозный многофункциональный комплекс зданий в центре российской столицы, демонстрирует находки постмодернистской трактовки его облика. При этом

Рис. 5. Бизнес-центр «Наутилус». Архитектор А. Воронцов и др. Москва. 2000–2002 годы

явно ощущается стремление авторов к достижению контекстуальности общего композиционного замысла (рис. 6). Жилой дом «Патриарх» (арх. С. Ткаченко, О. Дубровский и др., 2000),

Рис. 8. Жилой дом на 10-й Советской улице. Архитектор Н. Явейн, «Студия 44». Санкт-Петербург. 2003–2006 годы

Рис. 6. Комплекс «Красные холмы». Архитекторы: Ю. Гнедовский, «Товарищество театральных архитекторов». Москва. 2003–2006 годы

Рис. 9. Застройка пешеходной улицы центрального района. Архитектор М. Мамошин. Санкт-Петербург. 2001–2019 годы

Рис. 7. Жилой дом «Патриарх». Архитекторы С. Ткаченко, О. Дубровский. Москва. 2000 год

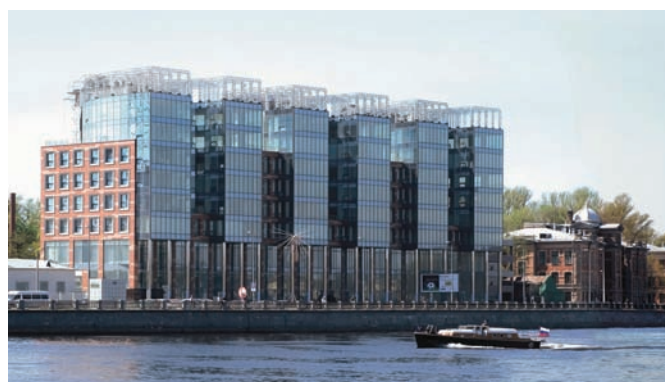

Рис. 10. Бизнес-центр «Авеню». Архитектор М. Мамошин. Санкт-Петербург. 2006–2008 годы

увенчанный макетом авангардной спирали Татлина, обращён к 20–30 годам XX века – времени расцвета русского авангарда (рис. 7). Дом «Яйцо» (арх. С. Ткаченко и др.) как бы интерпретирует образы изделий всемирно известной династии российских ювелиров Фаберже. Таковы отдельные московские примеры, в разной мере принадлежащие к полюсу постмодернизма.

Поиски зодчих Санкт-Петербурга более сдержанны, а постройки монументальны, в традициях северной столицы. Здесь иное отношение к городу, его архитектурно-градостроительному наследию. Проекты и постройки «Студии 44» (рук. Н. Явейн) отличаются столичным масштабом, композиционной выстроенностью и материальностью, «умением сочетать модернистские и классицистические тенденции» [5] (рис. 8). Подобным подходом отличаются проекты и постройки мастерской М. Мамошина (рис. 9, 10).

Процесс интерпретации архитектурных форм прошлого затронул большинство регионов и городов России. Сегодня наглядно видно, что обращение к прошлому в запале свободных интерпретаций облика исторических объектов не стало новым направлением в российской архитектуре и не было продолжено. Наоборот, наиболее радикальный сектор постмодернизма как безудержный вал аллюзий и воспоминаний, сочетаний и трансформаций (от иронии до искажения форм колонн и капителей, портиков и карнизов, устройства верениц балясин и гиперболизации оконных наличников, заполнения плоскостей фасадов и оконных проёмов зеркальным цветным стеклом) постепенно уступил место сдержанности и упрощению, геометрической простоте и аскетизму, более точному следованию историческим прообразам, классическим ордерным построениям, минималистичности форм и колористических композиций экстерьера и интерьера.

Представители архитектурного цеха, изначально не принявшие риторику постмодернизма, продолжили плавное движение в направлениях, ориентированных на хай-тек, минимализм, авангардную стилистику, природоподобные формы, встраивание технологий устойчивого развития в процесс проектирования [6; 7] и компьютерные поиски.

От нового историзма к идентичности месту и времени

В конце 1990-х становится очевидно, что виток широкоповсеместного обращения к историческому наследию в поисках новых версий формообразования, именуемый постмодернизмом, завершён. И есть основания рассматривать увлечение этим направлением как ещё один пример историзма в эволюции форм и стилистики архитектуры.

Понимая, что «историзм – тенденция, проходящая сквозь все периоды развития архитектуры, начиная с Возрождения...», а сам «историзм определяется обращением к культуре прошлого (как правило, такого, с которым его время уже не сохраняет прямой преемственности) для решения проблем настоящего» [2, с. 10].

Затухание постмодернизма не означало утрату интереса к культуре и архитектуре прошлых эпох. Наоборот, историзм

трансформировался от создания архитектуры на основе поиска в историческом наследии актуальной интерпретации формы к поиску возможного раскрытия историко-культурной идентичности конкретной локации, включая и средства архитектуры.

Историзм предшествующих периодов, в том числе неоконсерватизм в исторической окраске (например, жилой дом «Венеция» в Санкт-Петербурге и «Помпейский дом» в Москве) и консерватизм, дотошно копирующий постройки прошлых веков для создания зданий премиального класса, экстерриториальны в трактовке референсов.

Формирующийся историзм XXI века, напротив, территориально «привязан», что отмечалось и прежде в проектах региональных школ и отдельных столичных объектах. Постмодернистский подход, ориентированный на образные решения архитектуры контекста и её стилистические элементы, порой их «цитаты», способствовал созданию довольно органичной части контекста. При этом постмодернистские постройки в меньшей степени способны стать идентичностью, ибо «растворяются» в сложившейся стилистике исторической архитектуры, в том числе и локации.

Сегодня, избирательно в оптике, исторически сложившаяся архитектура, градостроительное устройство поселения и города, их планировочные решения трактуются как идентичные традициям. Самобытная, своеобразная, уникальная архитектура отдельных объектов или сочетание «фоновых» фрагментов запоминаются горожанам или приезжающим в город как некое символическое воплощение его образа и могут трактоваться и восприниматься его идентичностью [8]. Это подтверждает двойственность роли архитектуры при рассмотрении её в качестве идентичности конкретной локации. С одной стороны – существующая архитектура как духовное и материальное воплощение культуры, ценностных представлений той или иной эпохи.

С другой стороны, создаваемая сегодня архитектура может стать идентичностью региона, территории, унаследовав черты прежней, её специфические проявления, отождествляемые с образом конкретного поселения, города, региона. При таком подходе поиск форм архитектуры настоящего и будущего ведётся через раскрытие черт идентичности и разработку вариантов их трансляции в будущее. Исторически такая связь с прежним наиболее полно проявилась только в одном из «трёх пластов» архитектуры – народном зодчестве⁶.

Иным вариантом вновь создаваемого могут стать постройка или комплекс, ансамбль, воплотившие в себе черты современности, её новых качеств.

Сегодняшний запрос на поиски уникального, уходящего от шаблона, присущего конкретной локации и связанного с традицией, ориентируется на выявление черт, форм и элементов стилистики в историческом архитектурном наследии.

⁶ Есаулов Г.В. Архитектурное наследие и экология культуры // Архитектура и строительство Москвы. – 2004. – № 2-3. – С. 95–97).

Может интуитивно, но ярко заявленная в постройке нижегородского банка «Гарантия» версия раскрытия идентичности месту и времени продолжает развиваться в других постройках, но не как составляющие одного объекта, а как параллельные процессы.

В этом поиске представлены здания самого различного назначения, масштаба и стилистики: жилые комплексы, торговые и развлекательные объекты, объекты культуры, выставочные павильоны и административные объекты, а также культовые здания.

Бизнес-центр «Академик» – один из примеров решения творческой задачи в условиях контекста Юго-Запада Москвы. Представленный в этом районе столицы модернизм 1960-х – это геометрическая чистота и монументальность форм, белый цвет фасадов, стекло и металл. Как преобладающий «стиль» сложившейся застройки модернизм и определил замысел проектировщиков, общие черты нового здания. Сама же композиция магистрального фасада БЦ доведена до высокого «регистра звучания» вертикальным ритмом пластин с читаемым портретом академика Вернадского (рис. 11).

Сравнение фасадов Центра культуры «Целинный» в Алматы (арх. А. Хан, З. Айтаева. 2025 год) и БЦ «Академик» – один из примеров, показывающих похожесть облика современных зданий (благодаря подобию ритмов членений их фасадов), построенных примерно в одно время в разных локациях, разными авторами.

Это и одна из иллюстраций процесса сложения палитры выразительных средств современной архитектуры. Может, применяемые сегодня схемы построения ритмики членений фасадов, словно возгоняющие вертикали проёмов и накладных пилонов, использование утончённых прямостоящих и наклонных цилиндрических колонн, орнаментальность рядов окон, их арочные или прямоугольные обрамления на два-три этажа, поэтажные смещения простенков, «пиксельная окраска фасадов» – это и есть приёмы подтверждения идентичности архитектуры времени создания.

Новая идентичность

Тенденция раскрытия историко-культурной идентичности носит глобальный характер. Так, Оргкомитет WAF (Всемирного архитектурного фестиваля) в качестве вызовов будущего десятилетия (на 2010–2020 годы) называет климат, энергетику, водопотребление, старение и здоровье населения, технологии «умных городов»... и культурную идентификацию.

Активные процессы в развитии экономики, туризма, энергетики, прежде всего – возобновляемых источников, демонстрируют страны Азии: Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия и другие. Эти инновационные процессы получают материальное воплощение в архитектуре.

Достаточно своеобразное представление об идентичности времени дают мегапроекты и мегапостройки Саудовской Аравии: город Неом и его часть «Зеркальная стена»; «Куб Мукааб»; «Зеркальный куб» (рис. 12, 13, 14). Очевидно, что в развитии экономики, привлечении

Рис. 11. Бизнес-центр «Академик». Архитектурное бюро «UNK-project». Москва. 2015–2019 годы

Рис. 12. Город «Линия», «Зеркальная стена». Неом, Саудовская Аравия

Рис. 13. Куб «Мукааб» (араб. – بعبكامل) – строящийся 400-метровый небоскрёб. 2030 год. Визуализация. Саудовская Аравия

Рис. 14. Концертный зал «Марайя», или «Зеркальный куб». Архитектурная студия «Giò Forma». Регион Аль-Ула, Саудовская Аравия. 2018 год

капитала, решении финансовых задач, создании новых рабочих мест инициаторы проектов опираются на архитектуру как мощное средство сращивания новых, уникальных объектов (из категории «самые») с территорией, её конкретной локацией, создавая её новую идентичность и времени, и месту.

Новая идентичность как синтез традиций и технологий

Развитие туризма и запрос на раскрытие историко-культурной ценности конкретной территории или локации, сохранение и экспонирование архитектурно-градостроительного наследия вызвали к жизни идеи презентации уникальности территорий через раскрытие ценностей присущей ей культуры, воплощённой в материальных объектах и нематериальных формах. Сегодня это обеспечивается процессом реализации различных видов экспонирования (зрелищного, видового, музейного), разработкой дизайн-кодов населённых мест, созданием навигационных визуальных систем с опорой на историю и культуру, науку и технологии локации и др. Это создание так называемых больших экспозиций «под открытым небом»⁷. Их разработка определяется оптикой презентации присущего локации, созданного, существующего (в ряде случаев частично или полностью утраченного) и может служить

тематической базой поисков архитектурной и градостроительной идентичности территории. В зарубежной практике примером можно назвать «Бахрейнский жемчужный путь» в Мухарраке (рис. 15).

Градостроительные и архитектурные объекты при таком подходе сами выступают в роли образующих идентичность локации, территории, региона.

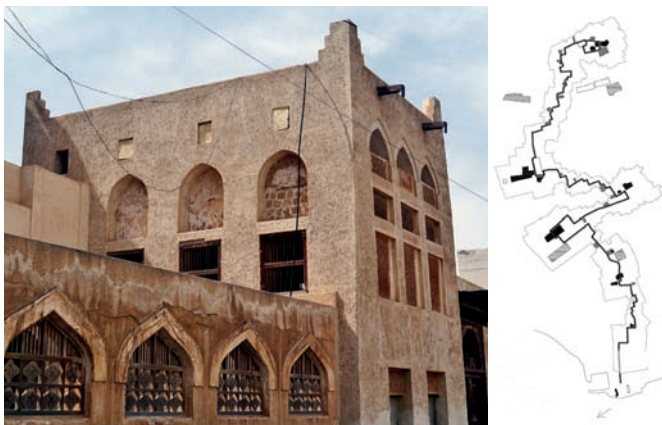
Идентичность месту архитектуры можно рассматривать как очередной вектор историзма, определяющий обращение к культуре прошлого конкретной локации в её разнообразных проявлениях: от аллюзий исторических стилей до аллюзий историко-литературных и мифологических образов. При этом многослойность наследия является значимым фактором поиска наиболее важного, идентифицируемого и воспринимаемого как принадлежность и характеристика локации. Выбор того или иного исторического архитектурного слоя или слоёв в качестве стилистической или стилиевой основы не впервые происходит в эволюции архитектуры. Впервые наряду с многовековым классическим и неклассическим архитектурным наследием выбор охватывает и новую сферу архитектурного наследия авангарда XX столетия как «второго суперстиля», по определению С. Хан-Магомедова. Роль зодчего в этом выборе – определяющая.

Город как картина мира

Если идентичность архитектуры опирается на поиски новых образов при проникновении в различные слои культуры локации, то поиски градостроительной идентичности связаны с виртуализацией реальной среды путём наложения исторических планировочных сеток, узлов и доминант, на «слоистость» исторической застройки культурных слоёв различных эпох, их презентацией и «материализацией» (при возможности рационального встраивания в современную планировочную структуру), восстановлении фрагментов трассирования дорог, организации благоустройства, как, своего рода, послышной аппликации с установкой пространственных ориентиров и памятных знаков.

Каждый город и поселение являют собой эволюционную картину развития на протяжении целого ряда временных этапов. Они словно иллюстрация процесса зарождения и реализации идей пространственного жизнеустройства, материальные воплощения результатов этой эволюции. Город – это её отражение в картине мира человека, с одной стороны, и, наоборот, отражение картины мира каждой исторической эпохи в облике города [9]. Таким образом, функция идентичности градостроительства может быть определена как сохранение и экспонирование, самопрезентация города как картины мира.

⁷ Экспонирование историко-культурного и производственно-технологического наследия необходимо осуществлять на основе принципа «факсимильной документальности» (Есаулов Г.В. Комплексная архитектурно-пространственная экспозиция памятников истории и культуры Северного Кавказа : Дисс. канд. арх. – Москва : МАРХИ, 1981).

а) б)
Рис. 15. «Бахрейнский жемчужный путь». Мухаррак, Бахрейн:
а) общий вид; б) схема маршрута

Рис. 16. Дворец творчества школьников. Архитектор Н. Явейн, «Студия 44». Астана. Казахстан. Проектирование: 2008–2010 годы

Рис. 8. Музей науки и техники. Томск. Архитектор Н. Явейн, «Студия 44». Проектирование: 2014–2015 годы

Идентичность времени рассматривается как вектор архитектуры нового рационализма, воплощающий сочетание многообразия технологических достижений архитектуры устойчивого развития [6] и уникальные фундаментальные качества локации, её природно-климатические и культурно-исторические характеристики.

Вероятно, что идентичность времени может выступать в качестве универсальной характеристики нового рационализма как единства прогрессистского и художественного начал архитектуры (рис. 16, 17).

Заключение

Направление нового рационализма, опирающееся на принципы устойчивого развития [7] имеет вполне определённую перспективу формирования новой стилиевой общности, синтезируя и достижения поисков в сфере идентичности. Ибо... «стиль исторически и естественно складывается в культуре, отвечая на её определённые запросы. Форма, особенно в архитектуре, почти всегда создаётся сознательным целеполаганием, то есть преднамеренно (хотя это не исключает спонтанности творчества и большую роль в нем интуиции... Если в сегодняшнем открытом мире архитекторы задают экологическую и ресурсосберегающую доминанту творчества и выдвигают стратегию максимальной экономии широко понятых ресурсов (природных, энергетических, собственно человеческих), то принятие таких позиций предопределяет стилиевое развитие архитектуры и

предметной среды. И влиятельный просвещённый заказчик – индивидуальный или корпоративный (государство, большие компании и фирмы) – здесь тоже очень важен. Подразумевает ли такое влияние архитектурной идеологии последующее стилиевое единство? Безусловно, единство в многообразии материалов, форм, самих индивидуальных творческих принципов, личных авторских почерков, что и есть индивидуальный стиль мастера» [10, с. 34]. Таким образом, если принять изложенное за некие направления развития, локализация в наибольшей степени свойственна идентичности месту, а экологоэнергоэффективные технологии и другие технологии устойчивого развития – идентичности времени. Вероятно, применять их тоже будут по-разному в различных типах зданий. К идентичности времени будут стремиться проектировщики в массовых типах зданий в большей степени, в этом сегменте огромную роль будут играть новые экономичные материалы и высокие технологии строительства и инженерного оснащения зданий, в основном жилища.

Уникальные общественные здания и жилище премиального сектора, вероятнее всего будут проектировать на основе принципа сочетания идентичности месту и времени, так как эти объекты изначально ориентированы на архитектуру, вдохновлённую особенностями места строительства, его природой, историей и культурой и, как показывает практика, заявленным мифом будущего в референсе имени объекта (нейминга как необходимого элемента маркетинга).

Список источников

1. Лихачёв, Д.С. Экология культуры / Д.С. Лихачёв. – Текст : непосредственный // Памятники Отечества. – 1980. – № 2. – С. 10–16.

2. Иконников, А.В. Историзм в архитектуре / А.В. Иконников. – Москва : Стройиздат, 1997. – 557 с.

3. Боков, А.В. «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия / А.В. Боков. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2024. – 184 с. – Текст : непосредственный.

4. Средовой подход в архитектуре и градостроительстве / Под ред. (и с предисл.) А.А. Высоковского. – Москва : ВНИИТАГ, 1989. – 157 с. – Текст : непосредственный.

5. Есаулов, Г.В. Современная архитектура в России: опыт тридцатилетия / Г.В. Есаулов, Л.Г. Есаулова. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2023. – № 4. – С. 14–25.

6. Есаулов, Г.В. Энергоэффективность и устойчивая архитектура как векторы развития / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // АВОК. – 2015. – № 5. – С. 4–13.

7. Есаулов, Г.В. Устойчивая архитектура: от принципов к стратегии развития / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2014. – № 6. – С. 9–24.

8. Есаулов, Г.В. Об идентичности в архитектуре и градостроительстве / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 4. – С. 12–17.

9. Есаулов, Г.В. Город как картина мира / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // Антология. Исторические города и сёла России (основанные до 1914 года) : В 10 томах : Т.1, кн.1. – Санкт-Петербург : Зодчий, 2025. – С. 258–281.

10. Азизян, И.А. Заметки о стиле. Материалы круглого стола / И.А. Азизян. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2003.

References

1. Likhachev D.S. Ekologiya kul'tury. In: *Pamyatniki Otechestva*, 1980, no. 2, pp. 10–16. (In Russ.)

2. Ikonnikov A.V. Istorizm v arkhitekture [Historicism in Architecture]. Moscow, Stroizdat Publ., 1997, 557 p. (In Russ.)

3. Bokov A.V. «Parallel'naya arkhitektura» ottepeli i zastoya. Vizionery poslednego sovetskogo tridtsatiletiya ["Parallel Architecture" of the Thaw and Stagnation. Visionaries of the Last Soviet Thirty Years]. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh» [Museum of Contemporary Art "Garage"] Publ., 2024, 184 p. (In Russ.)

4. Vysokovskii A.A. (ed. & preface). Sredovoi podkhod v arkhitekture i gradostroitel'stve [Environmental Approach in Architecture and Urban Planning]. Moscow, VNIITAG Publ., 1989, 157p. (In Russ.)

5. Esaulov G.V., Esaulova L.G. Sovremennaya arkhitektura v Rossii: opyt tridtsatiletiya [Contemporary Architecture in Russia: Thirty Years of Experience]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2023, no. 4, pp. 14–25. (In Russ., abstr. in Engl.)

6. Esaulov G.V. Energoeffektivnost' i ustoichivaya arkhitektura kak vektory razvitiya [Energy Efficiency and Sustainable Architecture as the Development Vectors]. In: *AVOK* [ABOK], 2015, no. 5, pp. 4–13. (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Esaulov G.V. Ustoichivaya arkhitektura: ot printsipov k strategii razvitiya [Sustainable Architecture: from Approaches to Strategy of Development]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Journal of Construction and Architecture], 2014, no. 6, pp. 9–24. (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Esaulov G.V. Ob identichnosti v arkhitekture i gradostroitel'stve [On Identity in Architecture and Urban Planning]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2018, no. 4, pp. 12–17. (In Russ., abstr. in Engl.)

9. Esaulov G.V. Gorod kak kartina mira [The City as a Picture of the World]. In: *Antologiya. Istoricheskie goroda i sela Rossii (osnovannye do 1914 goda)* [Anthology. Historical Cities and Villages of Russia (Founded Before 1914)], In 10 volumes, Vol. 1, Book 1. St. Petersburg, Zodchiy Publ., 2025, pp. 258–281. (In Russ.)

10. Azizyan I.A. Zametki o stile. Materialy kruglogo stola [Notes on Style. Materials of the Round Table]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2003. (In Russ.)